

DOI 10.23683/2415-8852-2018-1-7-14

**«В РУССКИХ АРХИВАХ НАЙДЕШЬ ТАКИЕ ДОКУМЕНТЫ,
КАКИЕ В АНГЛИИ НАСЛЕДНИКИ СЖИГАЛИ БЫ
БЕЗ РАЗДУМИЙ»**

Дональд Рейфилд – британский литературовед, профессор русской и грузинской литературы колледжа Королевы Марии Лондонского университета. Автор бестселлера «Жизнь Антона Чехова» (“Anton Chekhov. A Life” (1997)), главный редактор двухтомного грузинско-английского словаря (2006), автор книг “The Literature of Georgia” (2000), “Stalin and his Hangmen” (2004), “Edge of Empires: A History of Georgia” (2012).

В этом номере Р&I британский профессор Дональд Рейфилд рассказал о том, как стал чеховедом, почему выбирает кошек и как реагирует на новости из России. Беседовала Екатерина Максимова.

Интересно, как русская тема прокралась в Вашу английскую жизнь? И какой была первая встреча с Чеховым? Вас сразу «зацепило»?

Еще мальчиком я заинтересовался чешским языком – какая-то странная реакция на насыщение у нас в школе немецкой литературой заставляла меня сочувствовать славянским соседям. В университете мне объяснили, что только идиот займется чешским, не зная великого русского языка. С этого пошло. Я увлекся сначала Лесковым (до сих пор считаю его самым русским писателем). В советское время, в течение интуристской поездки в Москву на автобусе, остановившись в Минске, я уговорил продавщицу в книжном магазине продать мне разрозненный 4-й том сочинений Лескова. Трудно было начинающему разобраться с «Соборьянами», но меня точно зацепило. В университете я больше занимался русской поэзией, особенно Мандельштамом: именно тогда стали известными на Западе его «Воронежские тетради». А Чехова я полюбил только тогда, когда начал преподавать (в Австралии): надо было сплотить студенческую группу, в которую входили и начинающие, и выходцы из Харбина, поэтому мы поставили «Дядю Ваню», очаровали старых эмигрантов в Бризбейне, и я понял, что на сцене Чехов полностью показывает свою гениальность даже тогда, когда его играют дилетанты.

А первая поездка в СССР? Каким было самое яркое впечатление от встречи с культурой, которая раньше была известна только в теории?

Первая поездка состоялась в 1960-м году. Меня поразила больше всего разница между бедным советским бытом и роскошной культурой (особенно московскими театрами). Удивлялся, как люди проводили часы в очередях за продуктами и столько же часов, заткнув нос в книгу.

«Чтобы понять русского человека, прочитайте вот эту вещь Чехова», – когда-нибудь Вы произносили что-то подобное? Вообще, Вы причисляете Чехова к разряду «очень русских» писателей? Есть такие строки или моменты его биографии, где Вы всякий раз мысленно улыбаетесь: «Да, вот это очень по-русски»?

Нет, чтобы понять русского человека, надо с ним пуд соли съесть, там жениться и поселиться. Чеховские персонажи не только русские, они (особенно его дворяне, врачи, юристы, актеры) европейцы, которых я узнаю и у себя в Англии. Поэтому Чехова читают по всему миру. Конечно, он был очень русским человеком, но его деликатность, его способность слушать и не разглагольствовать нельзя считать особенно русскими чертами. Могу

читать Лескова или Ерофеева и сказать, «вот это очень по-русски» (например, смесь жестокости и самоотвержения у Очарованного странника Лескова, или *in vino veritas* у Ерофеева – такое встретишь только в русской литературе), но Чехов редко наводит на такие мысли.

Сегодняшнее чеховедение немыслимо без Вашей книги: «Читайте Рейфилда, если нужен Чехов с человеческим лицом». Но я не открою Вам тайны, если скажу, что в России не все отнеслись к Вашей книге с абсолютным приятием. Вы сразу понимали, что эта книга «рванет» в России, привыкшей к традиционному образу классика? Что это немного too much? Как Вы себе объясняли, почему «это надо сделать»?

И в Великобритании, и в Америке книга не всем понравилась. Театралы, актеры лучше приняли ее, чем чеховеды (которые перестали одно время приглашать меня на конференции). Главным было то, что я писал об Ольге Книппер, как она изменяла Чехову. Реакция была похожа на то, будто для всех Книппер – непорочная родная тетья. Потом в архиве РГАЛИ я открыл, что до меня в 1960-м году доктор Мёве и племянник Чехова Сергей Михайлович – оба доказали, что это так, и я прав, но тогда их соображе-

ния нельзя было предать гласности. Чехов был незаурядным во всех сферах жизни, но он не был святым (хотя был исключительно добрым, терпеливым и отзывчивым человеком). Надо было все-таки разоблачить миф о его ангельской природе. Я замечаю, что читатели уже привыкают к этому новому Чехову.

Пожалуй, уже привыкли. А помните самый неожиданный отклик на книгу?

Без сомнения, это положительная рецензия Артура Миллера, у которого брак с актрисой – Мэрилин Монро – тоже оказался катастрофичным.

За 100 с лишним лет уже все известно о Чехове? Или мы еще можем узнать что-то новое? Головокружительное? Здесь сразу думается о воскрешении суворинских писем.

Где-нибудь лежат пачки неопубликованных писем, в особенности к женщинам, например, к дочери Плещеева или к гувернантке Сувориных. Исчез, может быть, не навсегда, текст интервью на французском языке о Дрейфусе. Да, головокружительными могут быть только письма Суворина к Чехову, но я уже убедился, что они давно уничтожены.

Три главных события в жизни Чехова, которые сделали его Чеховым, по Дональду Рейфилду? Или Чехов состоялся бы при любых внешних обстоятельствах?

У него много травматических моментов, которые превратили талантливого мальчика в гениального мужчину. Я бы назвал суровое детство, которое лишило его веры в Бога и расшатало навсегда его здоровье; потом смерть брата Николая, которая оставила чувство вины. Критику он плохо принимал: когда его обозвали «беспринципным», он ответил своим путешествием на Сахалин, которое потрясло не только его здоровье, но и его отношение к жизни и к обществу. Наконец, брак с Книппер, с первой женщиной, которая по-настоящему сумела сделать его несчастным (это можно считать коллективной мстостью за всех женщин, которых он делал несчастными). Дружба с Сувориным, по всей вероятности, убедила его, что у него есть талант, которым надо дорожить.

«Я был воспитан формалистами в Кембридже», – читаю в одном из Ваших интервью. Это замечательно, вот уж чего по Вашей книге не скажешь. Понятно, XX век немыслим без формализма, а какие еще «большие идеи» оставили в Вас след? Из чего Вы как филолог состоите?

Я хорошо вылез из формализма, как и от всех школ литературной критики. Литературная критика как штопор. Главное – это бутылка, не каждую бутылку откроешь этим штопором, нужен свой, особый (а бутылку шампанского штопором и вовсе не открыть). Литературоведы давно обманываются, думая, что они, как физики, занимаются наукой. Нет, они могут только рассказывать о своих чувствах, рекомендовать книгу или «предупреждать читателя».

Если позволите, все же задам Вам вопрос как «кембриджскому формалисту». Не о Чехове Антоне Павловиче, а о Чехове-тексте. Если мыслить «искусство как прием», какой там главный прием?

Главный прием у Чехова – это оторвать от рассказа или пьесы завязку и развязку, и оставить нам только узел.

Ваше любимое прочтение Чехова – лучшая постановка или самая точная экранизация?

Помню, как восхищался «Тремя сестрами», когда пьесу ставили венгры, с такой энергией, таким быстрым темпом. Маша так ушибла Вершинина, когда он объявил ей об отъезде, что он упал на пол (это было давно, 20 лет назад: одна венгерская труппа играла

в Лондоне). Экранизаций хороших мало: наверное, лучше, чем «Дама с собачкой» Хейфица, пока нет.

Кстати, почему существует Чехов «внутреннего пользования» и «экспортный»? На Западе – скорее «Дядя Ваня», в России – скорее короткие рассказы (еще и смешные, если доводить этот стереотип до логического завершения).

Правда, иностранцы лучше знают его пьесы (и не только коротенькую – «Дядю Ваню»), потому что хорошая игра в театре покрывает грехи переводчиков. Но писатели (например, Кэтрин Мэнсфилд или Джон Чивер) глубоко прочувствовали, даже в переводе, гениальность чеховской прозы. А смешные рассказы, то есть юношеский Чехов, и вовсе много теряют в переводе.

Что оказалось для Вас самым неожиданно ценным в работе над чеховской биографией?

Меня очень радовала работа в русских архивах, где так много сохранилось того, что в Англии наследники сжигали бы (потому что английские наследники боятся компромата и потому что считают, что от ненужного хлама надо избавляться). Я исколесил дороги России (и погубил не одну машину

на этих дорогах) и в таких неожиданных местах, как Уфа, Самара, Воронеж, Таганрог, узнал, что в России живут не только москвичи, «слезам не верящие», или петербуржцы, «на все смотрящие свысока», но и теплые, общительные, гостеприимные и очень умные провинциальные люди. Я понял, что именно там чеховские герои, несмотря на революции и террор, до сих пор живы.

Вы говорили, что сейчас планируете французскую версию биографии. Если не секрет, что собираетесь добавить? Получается, проходит столько лет с тех пор, как Ваш бестселлер отгремел, а Вы все еще живете с Чеховым?

Французский перевод готов и выйдет осенью. Мы немного расширяем цитаты, приводим больше источников и новую информацию о том, как Чехова лечили. Много мелких ошибок поправили (хороший переводчик лучше самого бдительного корректора). Не знаю, как французы отзовутся, – вообще они предпочитают свой жанр биографии: поменьше фактов, побольше повествовательной игривости. Так что греметь вряд ли буду.

Вы следите за новостями из России? Бывают моменты, когда Вам кажется, что современная Россия – ровно та страна, о которой писал Чехов?

Моя реакция на новости из России не годится для печати. Даже при Советах те интеллигенты, которых я знал, ненавидели не меньше, чем я, произвол и ложь вертикальной власти. А сегодня я некоторых не узнаю: наступило время ханжества. Молчалиных много, а Чацкие, кажется, просто уезжают или спиваются.

Люди (русские – точно) делятся на тех, кто любит кошек, и тех, кто собак, на тех, кто за Достоевского, и тех, кто за Толстого. Абсурдизирую, конечно, но Вы понимаете, о чем я. Есть соответствующие стереотипы об этих писателях. Этот учит нас быть счастливыми, тот показывает, как надо страдать, этот

учит жить, тот умирать, и т.д. Ничего такого с Чеховым. Почему? Почему так трудно сказать, «зачем нам дан Чехов»? Что думаете Вы, «зачем нам дан» Чехов?

Сам я кошачник (sic!). Кошки, как Чехов, сдержанны, не лезут в душу, умеют молчать, не обязательно скучают без нас, а главное, не учат жить. Конечно, читая Чехова, поймешь, чего не надо делать. Особенно по отношению к близким. Но Толстой, несмотря на гениальность, иногда бесит своими проповедями, а Достоевский, когда он вдруг переодевается иноком, портит настроение. Нам дан Чехов, как, например, Моцарт. Мы можем наслаждаться, задумываться, но словами не выразишь, что с тобой происходит.

**“IN RUSSIAN ARCHIVES ONE CAN FIND SUCH DOCUMENTS
THAT IN BRITAIN WOULD HAVE BEEN BURNT DOWN BY HEIRS
WITHOUT HESITATION”**

Donald Rayfield – British literary scholar, Professor of Russian and Georgian literature at Queen Mary University of London. He is the author of the bestseller “Anton Chekhov. A Life” (1997), Chief Editor of the Georgian-English Dictionary in two volumes (2006), the author of “The Literature of Georgia” (2000), “Stalin and his Hangmen” (2004), “Edge of Empires: A History of Georgia”(2012).

In this issue of P&I British Professor Donald Rayfield speaks about why he started Chekhov studies, why he prefers cats, and how he reacts to the news from Russia. The interview was conducted by Ekaterina Maksimova.

